

Валерия Тарабрина

Бросая кости: Ведьма в объятиях Тьмы

Валерия Тарабрина
Бросая кости: Ведьма
в объятиях Тьмы
Серия «Бросая кости: Легенды
Сансара-Фелл», книга 3

*<https://litres.ru/73365374>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Она умерла, закрывая собой любимого от Тьмы. Но вместо покоя — бесконечный Сад, где розы пахнут смертью, а Садовник охотится за её душой. Бегство, страх, отчаяние — и неожиданное спасение в Кошачьем Подземье, где коты пьют чай и хранят чужие тайны.

На готическом Кладбище Уснувших невеста ждёт своего погибшего жениха уже столетия — и верит, что любовь сильнее смерти. В Башне Часовщика время течёт вспять, но даже его песочные часы не могут отсчитать главное: как долго Каосу сможет сопротивляться Тьме внутри себя?

А впереди — Карнавал, где веселье граничит с безумием, а души продают за несколько монет. Там Каосу встретится с прошлым, которое она не смогла спасти, и сделает выбор, который изменит всё.

Сможет ли она исцелить Тьму, не став её частью? И найдутся ли у неё силы, чтобы вернуться домой — к тем, кто ждёт и верит?

Содержание

Глава 1: Там, где спят розы	5
Глава 2: Там, где коты пьют чай	24
Глава 3: Там, где любовь сильнее смерти	46
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бросая кости: Ведьма в объятиях Тьмы

Глава 1: Там, где спят розы

Часть первая: Твой последний взгляд

Она помнила его глаза.

Это было последним, что запечатлела память перед тем, как мир поглотила тьма. Глаза Клауса — за мгновение до того, как тяжёлый клинок вошёл в её тело. В них больше не было пустоты. Тьма, что владела им, отступала, смывалась, как грязь под ливнем, и сквозь пелену проступало оно — узнавание. Ужас. Любовь.

— Каосу... — его губы шевельнулись, но крик застрял в горле, потому что меч уже довершил своё дело.

Боль была острой, горячей, разрывающей. Шипы — те, что впились в неё мгновением раньше, когда она закрывала его своим телом от очередной атаки, — вошли глубоко, смешивая свой яд с её кровью. Но Каосу не чувствовала их. Она чувствовала только его руки — сильные, родные, сжимающие её падающее тело.

— Тише... — прошептала она, и кровь хлынула изо рта, окрашивая губы алым. — Ты... вернулся...

В его глазах блеснули слёзы. Настоящие, живые слёзы че-

ловека, который только что очнулся от кошмара и понял, что натворил.

— Прости... — голос его срывался, ломался, как тонкий лёд. — Прости меня, любовь моя...

Каосу улыбнулась.

Сквозь боль, сквозь утекающую жизнь, сквозь тьму, что уже начинала завлакивать сознание, она улыбнулась. Потому что он был свободен. Потому что она успела. Потому что в последнюю секунду своей жизни она видела не чудовище, а своего Клауса — того самого, с кем мечтала состариться под одним небом.

— Я... люблю... — шепнула она, и свет в её глазах погас.

Но тьма, пришедшая на смену, была не пустотой.

Это было начало.

Бежать. Только бежать.

Эта мысль пульсировала в висках в такт ударам сердца — слишком быстрым, слишком громким в этой неестественной тишине. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, раздирали кожу, но Каосу не смела даже вскрикнуть. Она зажимала рот ладонью так сильно, что на губах чувствовался металлический привкус крови, и продолжала продираться сквозь колючие заросли, не разбирая дороги.

Сад не кончался.

Она поняла это не сразу. В первые дни, когда только очнулась здесь, он казался ей бесконечным лабиринтом, хао-

сом, лишённым логики. Но теперь, спустя дни или недели — время здесь текло иначе, — она начала видеть закономерности. Это был Сад. Огромный, бескрайний, но единый. У него были свои тропы, свои границы, свои запретные зоны. И у него был Хозяин.

Его стены были живыми — сплетены из вековых тисов, чьи корни уходили глубоко в почву, которой здесь не было. Вместо земли под ногами хрустело что-то, похожее на измельчённый перламутр, и каждый шаг отдавался эхом, которое, казалось, специально привлекало внимание Садовника.

Кусты роз выросли перед ней внезапно — стеной алых бутонов, прекрасных и чудовищных одновременно. Лепестки светились изнутри мягким, пульсирующим светом, но стебли были усеяны шипами длиной в палец, острыми как бритва. Каосу не раздумывала. Она нырнула в заросли, зажмурившись от боли, когда шипы впились в плечи, в руки, в шею, раздирая кожу в клочья.

Тишина.

Она замерла, вжавшись в колючую плоть живого Сада, затаив дыхание. Кровь стекала по щеке тёплой дорожкой, но она даже не чувствовала боли — только страх, огромный, леденящий, заполнивший всё нутро до краёв.

Шаги.

Тяжёлые, мерные, неспешные. Они приближались, и от каждого удара по земле воздух вокруг вибрировал, заставляя розы мелко дрожать. К этому звуку примешивался другой

— металлический скрежет, будто по камню волочили что-то острое и тяжёлое.

Коса. Или лопата. Или всё сразу?

Каосу зажмурилась сильнее, молясь всем богам, которых знала, и тем, о которых только слышала. Только бы не увидел. Только бы прошёл мимо.

Шаги затихли прямо за её спиной.

Она чувствовала его — Садовника. Оно стояло так близко, что холод, исходящий от него, пробирал до костей, заставляя лёгкие сжиматься. Она слышала его дыхание — низкое, утробное, похожее на рычание старого, больного зверя. Она ощущала его голод — не физический, а тот, что страшнее: голод по душам, по свету, по самой жизни.

Тишина длилась вечность.

А потом шаги начали удаляться. Медленно, неохотно, словно зверь знал, что добыча рядом, но по какой-то причине не мог её взять. Шорох гравия под тяжёлыми лапами стих в отдалении, и Сад снова погрузился в свою неестественную, давящую тишину.

Каосу не сразу решилась открыть глаза. Она сидела в розовых кустах, вжавшись в колючие ветви, и позволила себе дышать — мелко, часто, судорожно. Только когда поняла, что если не пошевелится, то просто сойдёт с ума от страха, она осторожно выползла из укрытия.

Сад встретил её всё той же зловещей красотой.

Первые дни здесь были самыми страшными. И самыми странными.

Каосу помнила, как очнулась. Не открыла глаза — именно очнулась, словно вынырнула из ледяной воды после долгого утопления. Первым чувством была боль. Острая, жгучая, рвущая — там, где острые шипы вошли в её тело. Но она быстро утихла, сменившись странным, пульсирующим теплом, которое разливалось по жилам вместе с чем-то тёмным, чужим, живым.

А потом был свет. И этот мир.

Первое, что она увидела, открыв глаза, — небо над Садом. Оно было фиолетовым, с разводами розового и золотого, как закат, который длится вечность. По нему плыли облака, но не белые, а переливчатые, как перламутр. Где-то далеко, на горизонте, медленно вращались гигантские колёса, похожие на старинные часы, но вместо цифр на них сияли созвездия — они тоже были частью Сада, его причудливым украшением.

Она лежала на поляне, сплошь покрытой цветами. Они росли прямо из воздуха — стебли выходили из пустоты, изгибались причудливыми дугами и распускались бутонами всех цветов, какие только можно представить. Некоторые светились, некоторые тихо звенели, когда ветер касался их лепестков.

Это было прекрасно.

И чудовищно пугало.

Потому что в этой красоте не было жизни. Цветы не пахли, ветер не приносил тепла, а небо, такое красивое, не дарило света — только сумерки, вечные, бесконечные сумерки, от которых вскоре начали ставать и болеть глаза.

Каосу поднялась на ноги и пошла. Она шла долго, не зная куда, и Сад вокруг менялся, как в калейдоскопе. Розовые аллеи сменялись рощами из хрустальных деревьев, чьи листья звенели на ветру, как тысячи крошечных колокольчиков — они росли прямо из перламутровой почвы, их корни уходили в никуда. Хрустальная роща уступала место полю, где вместо травы росли перья — длинные, белые, павлиньи, с «глазами», которые следили за ней, куда бы она ни пошла. Это было поле Птичьих Перьев — так она назвала его про себя.

Она видела пруды, где вода была чёрной, как смоль, но на её поверхности плавали кувшинки, светящиеся мягким голубым светом. Видела беседки, увитые розами, которые росли так густо, что за ними не было видно стен — только алая, пульсирующая плоть Сада. Видела статуи — людей и зверей, застывших в момент бега, с лицами, искажёнными ужасом. Они тоже были частью Сада. Его экспонатами. Его жертвами.

И везде, абсолютно везде, были розы. Алые, как кровь. Они росли повсюду — вплетались в стены лабиринтов, обрамляли тропинки, свешивались с ветвей хрустальных деревьев. Их шипы блестели в сумеречном свете, и каждый, казалось, ждал момента, чтобы впиться в плоть.

Каосу шла, и Сад раскрывался перед ней, как страшная, прекрасная сказка. Она не знала, что ищет. Выход? Спасение? Клауса? Себя?

А потом она увидела *его* в первый раз.

Садовник стоял на холме, силуэтом на фоне вечного заката. Он был огромным — выше самых высоких деревьев, и его форма постоянно менялась, перетекая из одной в другую. То он казался волком с горящими глазами, то драконом с ободранными крыльями, то просто тьмой, принявшей очертания человека. Но в руках у него неизменно было нечто — длинное, изогнутое, смертоносное. Коса? Лопата? Оружие палача и садовника одновременно, созданное, чтобы подрезать корни, срезать бутоны и собирать урожай душ.

Он смотрел прямо на неё.

И Каосу поняла: этот Сад не отпустит её просто так. Здесь она не гостя. Здесь она — добыча. Самый ценный экспонат в коллекции Безумного Садовника.

Она побежала.

С тех пор она бежала всегда. Пряталась в лабиринтах аллей, затаивалась в розовых кустах, замирала в тени хрустальных деревьев, когда слышала тяжёлые шаги и мерзкий скрежет его оружия, волочащегося по перламутровой земле. Она научилась выживать в этом кошмаре, который притворялся сказкой.

Но сегодня Садовник подошёл слишком близко. Сегодня он почти нашёл её.

Каосу сидела у подножия огромного тиса, обхватив колени руками, и смотрела на алое небо. Где-то там, за этой фиолетовой дымкой, остался её мир. Где-то там остался Клаус — свободный, но, наверное, убитый горем. Где-то там остались те, кто, возможно, ищет её.

А здесь была только она. И Садовник. И бесконечный Сад, в котором даже розы были врагами.

Она закрыла глаза и позволила себе одну минуту слабости — просто посидеть, не боясь, не оглядываясь, не прислушиваясь к каждому шороху.

Одна минута.

А потом воздух позади неё дрогнул.

Каосу вскочила мгновенно, но было поздно. Тень накрыла её, и тяжёлый удар обрушился на плечо, сбивая с ног, пронзая тело ослепительной болью. Острое лезвие — часть этой проклятого оружия — вошло в плоть, раздирая мышцы, задевая кость.

Каосу закричала, но крик утонул в шипении, которое издал Садовник. Он стоял над ней — огромный, бесформенный, с глазами, горящими белым огнём в пустоте лица. Его оружие дымилось от её крови.

— Попалась... — прошелестел голос, похожий на шелест сухих листьев.

Каосу попыталась вскинуть руки, призвать свою магию — ту самую, силу Зелёной Ведьмы, что текла в её жилах при

жизни. Но здесь, в этом мире, она была бесполезна. Ни одной искры, ни одного отклика. Только пустота и боль.

Садовник занёс оружие для последнего удара.

И в этот момент она увидела его...

Кот. Настоящий кот.

Огромный, чёрный, с глазами зелёными, как молодая листва, он сидел на ветке тиса прямо над её головой и смотрел на неё с совершенно человеческим выражением. В его взгляде читалось нетерпение и лёгкая насмешка.

— Чего застыла? — отчётливо произнёс он человеческим голосом. — Беги за мной, глупая.

И прыгнул в сторону, в самую гущу розовых кустов.

Каосу не думала. Она рванула следом, забыв о ране, забыв о боли, забыв обо всём. Она бежала, ориентируясь на мелькающий впереди чёрный силуэт, а Садовник с рёвом ломился следом, срезая своим чудовищным орудием целые кусты, словно они были сорняками.

— Сюда! — крикнул кот, и Каосу, не разбирая дороги, нырнула в просвет между корнями огромного дерева.

И провалилась.

Нора была неглубокой — она упала на мягкое дно, выстланное сухими листьями, всего в паре метров от поверхности. Но этого хватило. Сверху донёсся яростный рёв Садовника, его тяжёлые шаги — он топтался прямо над ней, но не мог протиснуться в узкий лаз. Его оружие бессильно скрежетало по краям норы, высекая искры из камня.

Каосу лежала на спине, хватая ртом воздух, прижимая руку к плечу, откуда хлестала кровь. Она теряла сознание. Края зрения темнели.

И тогда кот спрыгнул к ней.

Он приблизился, обнюхал рану, и — Каосу готова была поклясться, что ей это не мерещится, — аккуратно приложил к ней пушистую лапу.

Тепло разлилось по телу, мягкое, успокаивающее. Боль начала отступать. Кровь остановилась, словно по волшебству — а может, и впрямь по волшебству. Кот убрал лапу, и Каосу увидела, что рана затянулась, оставив лишь неровный шрам, похожий на след от когтя.

— Спасибо... — прошептала она, глядя в зелёные глаза.

Кот склонил голову набок, и на его морде появилось выражение, которое у людей называется улыбкой.

— Не благодари раньше времени, — сказал он. — Ты ещё не спаслась.

Он повернулся и пошёл вглубь норы. Каосу, шатаясь, поднялась и побрела за ним. И тут земля под её ногами исчезла.

Дверь открылась прямо в полу — неприметная, круглая, как крышка люка. Каосу не успела даже вскрикнуть — просто рухнула вниз, в темноту, чувствуя, как кот прыгает следом, и слыша его довольное мурлыканье.

Она упала на что-то мягкое и тёплое.

— Осторожнее! — возмущённый голос раздался прямо

под ней. — Мои усы!

Каосу скатилась в сторону и села, ошалело хлопая глазами.

Она была в доме. В самом настоящем, уютном доме — с камином, в котором потрескивал огонь, с креслами, обитыми бархатом, с часами на стене, которые мерно тикали, отсчитывая время. На полках стояли книги, на столике — чайный сервиз, из которого поднимался аппетитный пар.

В креслах сидели коты.

Много котов.

Они были разные — рыжие и чёрные, полосатые и пятнистые, пушистые и гладкошёрстные. Но всех их объединяло одно: они сидели как люди, пили чай из маленьких чашек, листали книги и поглядывали на Каосу с неподдельным интересом.

Тот, на которого она упала, — огромный полосатый кот с бантом на шее — отряхивал свой жилет и неодобрительно косился на неё.

— Могла бы и постучать, — проворчал он.

— Я... я... — Каосу не могла связать двух слов.

— Оставь её, Бартоломыю, — раздался знакомый голос. Чёрный кот, спасший её, прыгнул с невидимой лестницы и уселся на спинку самого большого кресла. — Она новенькая. И едва не стала удобрением для роз.

Коты понимающе закивали, словно это было самое обычное дело.

— Садовник всё ещё там? — спросила пожилая кошка в чепце, отставляя чашку.

— Рыщет, — подтвердил чёрный. — Но сюда не сунется. Его здесь не любят.

Он посмотрел на Каосу, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Добро пожаловать в Подземное Королевство, девочка. Или, как мы его называем, — Туда, Где Коты Пьют Чай. — Он изящно поклонился. — Меня зовут Баст. И у нас к тебе много вопросов.

Каосу смотрела на котов, пьющих чай, на уютный камин, на стены, увешанные картинами с мышами в рамочках, и чувствовала, как в груди зарождается смех. Истерический, немного безумный, но самый настоящий смех.

Она жива. Она в безопасности. Она в доме у котов, носящих одежду и попивающих горячий чай с молоком.

В этом мире, где Садовник охотится за душами, а розы растут на костях, она нашла убежище там, где меньше всего ожидала.

Кот по имени Баст довольно прищурился.

— Нравится? — спросил он. — Подожди, вот увидишь нашу библиотеку. Там такие книги...

Каосу улыбнулась — впервые с того момента, как открыла глаза в этом кошмаре. Но её улыбка была неровной, дикой. Наверное, это было неудивительно, ведь переживать каждый день бесконечную охоту, потеряв уже всевозможную веру на

покой... Ох, как много она натерпелась!

Белая кошечка в голубом домашнем платье поднялась с кресла и подошла к Каосу.

— Устроишь ей экскурсию позже. Боги, детка, ты истощена и замучена... Спрашивать про время я не буду, ведь Садовник давно с ним в ссоре. И потому ты, наверное, целыми днями бежала и бежала... Как говорила одна из наших королев, «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее». И следуя этому, ты и прибежала до нашего Королевства, — промурчала она, беря девушку под руку, — идём, деточка. Матильда (рада знакомству!) позаботится о тебе. Поспишь пару дней, поешь, а там придумаем, что нам с тобой делать. Нас бояться не нужно, но бойся двух вещей: острых предметов и потерять себя!

Каосу кое-как поднялась на дрожащие ноги, которые сводило судорогой, и было хотела что-то ответить, поблагодарить за спасение, но вдруг её сознание померкло — и девушка потеряла сознание.

Сны приходили к ней обрывками.

Она стояла в саду — в том самом, настоящем, где пахло мокрой землёй и яблоками. Солнце пробивалось сквозь листву тёплыми пятнами, трава щекотала босые ноги, а ветер ласково перебирал волосы. Где-то рядом смеялся Клаус — его смех она узнала бы из тысячи, даже сквозь самую непро-

глядную тьму.

— Догоняй! — крикнул он, и его фигура мелькнула между яблонь.

Каосу побежала, смеясь, чувствуя, как лёгкость переполняет тело, как сердце бьётся ровно и сильно, как кровь горячо бежит по жилам — живая кровь, тёплая, настоящая. Она бежала и бежала, но Клаус не приближался. Его смех звучал всё дальше, всё тише, растворяясь в шелесте листвы.

— Клаус! — позвала она. — Подожди!

Тишина.

Сад почернел. Яблони превратились в иссохшие скелеты, трава осыпалась пеплом, а небо затянуло багровым, больным закатом. Из-под земли полезли корни — чёрные, скользкие, они обвивали её щиколотки, поднимались выше, сдавливая грудь, лишая дыхания.

— КЛАУС!

Она закричала, но крик утонул в шипении, которое заполнило всё вокруг. Из темноты выступила фигура — огромная, бесформенная, с глазами, горящими белым огнём. В руке оно сжимало нечто длинное, острое, смертоносное — и коса, и лопата, и жало гигантского насекомого одновременно.

— Попалась, — прошепестел Садовник. — Ты всегда будешь попадаться. Бесконечно. Снова и снова.

Он занёс оружие над её головой.

И Каосу проснулась.

Она не сразу поняла, что проснулась. Слишком долго явь и кошмар были одним целым. Слишком много дней подряд она бежала, пряталась, зажимала рот руками, чтобы не закричать. Слишком глубоко въелся в подкорку этот ледяной ужас, от которого сводило мышцы даже во сне.

Но здесь пахло иначе. Не сыростью и гнилью, не терпкой горечью роз и не металлическим привкусом страха. Здесь пахло травами. Мятай, ромашкой, ещё чем-то тёплым и уютным, чему она не знала названия, но что заставляло грудную клетку расслабляться впервые за бесконечную вечность.

Каосу открыла глаза.

Она лежала в кровати. Настоящей, мягкой, с горой подушек и пушистым одеялом, от которого исходило ровное, ласковое тепло. В комнате царил мягкий полумрак — свет давали только свечи в резных подсвечниках на прикроватном столике и в углах, где мерцали маленькие светильники, похожие на светлячков в стеклянных банках.

Она попыталась пошевелиться — и едва не застонала. Каждая мышца, каждая кость, каждая клеточка тела отзывалась тупой, ноющей болью. Её забинтовали — она только сейчас заметила, что руки и плечи плотно укутаны мягкой тканью, пропитанной чем-то пахучим. Под повязками сидели раны от шипов, но это была *лечащая* боль, не та, что рвёт изнутри, а та, что говорит: "Я прохожу. Я заживаю. Ты жива".

— Очнулась наконец, — раздался тихий, мурлыкающий

голос откуда-то сбоку.

Каосу с трудом повернула голову. В кресле у камина, свернувшись клубочком, сидела та самая белая кошечка в голубом платье. Матильда. Она держала в лапках вязание — крошечные носочки, судя по всему, для котят, — и смотрела на Каосу с выражением безграничной материнской заботы.

— Ты спала пять дней, деточка, — сообщила она, откладывая вязание и поднимаясь. — Баст сказал, что это нормально. Что организму нужно время, чтобы переварить весь тот ужас, через который ты прошла. А я сказала — организму нужно тепло, покой и сытный бульон. И оказалась права. Как всегда.

Она подошла к кровати и ловко, несмотря на кошачьи лапки, поправила подушки, помогая Каосу приподняться.

— Пить хочешь? — спросила Матильда. — Есть бульон из мышей, но если ты брезгливая, могу предложить травяной отвар.

Каосу моргнула, пытаясь осмыслить услышанное.

— Из... мышей? — хрипло выдавила она. Голос звучал чужеродно, словно она не пользовалась им годы.

Матильда залилась мелодичным кошачьим смехом.

— Шучу, деточка. Конечно, шучу. У нас тут не настолько дико. Травяной отвар, мёд, сухарики — всё, как полагается. Людей и мышей мы не едим. Ну, — она замялась, — во всяком случае, не тех, кто с нами разговаривает.

Каосу не была уверена, шутит ли кошка сейчас снова, но

сил выяснять не было. Она кивнула, принимая предложение.

Матильда исчезла и через мгновение вернулась с кружкой, из которой поднимался ароматный пар. Помогла Каосу приподняться, поднесла кружку к губам. Отвар был тёплым, чуть сладковатым, с мятной свежестью и послевкусием чего-то, напоминающего детство — хотя Каосу не помнила, чтобы в детстве пила что-то подобное.

— Спасибо, — прошептала она, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— На здоровье, — кивнула Матильда, устраиваясь на краю кровати. — Ты очень крепкая, деточка. Баст говорил, что обычно те, кто попадает к Садовнику, либо погибают сразу, либо сходят с ума в первые же дни. А ты бегала от него. Долго. И не сломалась. Это дорогого стоит.

Каосу молчала, вглядываясь в своё отражение на тёмной поверхности чая.

— Я не сломалась, потому что... — начала она и запнулась. Потому что что? Потому что верила? Потому что боялась? Потому что где-то там, за гранью, её ждали?

— Потому что у тебя есть ради кого возвращаться, — закончила за неё Матильда. В её голосе не было вопроса — только утверждение. — Это всегда видно. Такие не сдаются. Они либо доходят, либо умирают в пути, но сдаться — никогда.

Каосу подняла на неё глаза. Белая кошка смотрела с пониманием, которое бывает только у тех, кто сам когда-то че-

рез это прошёл.

— Ты... тоже? — спросила Каосу.

Матильда улыбнулась — по-кошачьи, чуть прищурившись.

— Это было очень давно, деточка. Я уже и не помню лица того, ради кого бежала. Помню только, что бежала. А потом нашла этот дом. И осталась. — Она вздохнула. — Не все истории заканчиваются возвращением. Но твоя... твоя ещё не дописана.

Она легко коснулась лапкой руки Каосу.

— А теперь спи. Тебе нужно много спать, чтобы восстановиться. Кошмары будут приходить — это неизбежно. Но знай: здесь они не могут тебя тронуть. Здесь ты в безопасности.

Каосу кивнула и закрыла глаза. Отвар делал своё дело — тело наливалось приятной тяжестью, мысли путались, уступая место сонной одуре.

— Матильда? — позвала она уже сквозь дрему.

— М-р-р?

— А Клаус... он... как думаешь, он меня ждёт?

Тишина длилась мгновение. Потом тёплая лапка легла на её ладонь.

— Если он тот, за кого ты готова была умереть, деточка, — значит, ждёт. Такие, как он, ждут всегда. Даже когда надежды нет. Даже когда все говорят, что ждать бесполезно. Они ждут.

Каосу улыбнулась — в этот раз спокойно, почти счастливо.

— Тогда я вернусь, — прошептала она, проваливаясь в сон. — Обязательно вернусь.

Во сне она снова бежала по саду, но теперь рядом с ней были тени — мягкие, пушистые, с горящими в темноте глазами. Они бежали молча, но их присутствие грело сильнее любого пламени. А впереди, там, где сад кончился и начался свет, стоял он. Клаус. Живой. Настоящий. С протянутой рукой и улыбкой, ради которой стоило пройти через саму смерть.

Она бежала к нему.

И знала — добежит.

Глава 2: Там, где коты пьют чай

Она не сразу поняла, что проснулась.

Слишком долго явь и кошмар были одним целым. Слишком много дней подряд она бежала, пряталась, зажимала рот руками, чтобы не закричать. Слишком глубоко въелся в подкорку этот ледяной ужас, от которого сводило мышцы даже во сне.

Но здесь пахло иначе. Не сыростью и гнилью, не терпкой горечью роз и не металлическим привкусом страха. Здесь пахло травами. Мятой, ромашкой, ещё чем-то тёплым и уютным, чему она не знала названия, но что заставляло грудную клетку расслабляться впервые за бесконечную вечность.

Каосу открыла глаза.

Комната была маленькой, но такой уютной, что сердце защемило от неожиданной нежности. Стены здесь оказались деревянными, тёплого медового оттенка, и по ним вились вырезанные узоры — листья, цветы, кошачьи силуэты. В углах мерцали маленькие светильники, похожие на светлячков в стеклянных банках, и их мягкое золотистое свечение не резало глаза, а ласкало. На окне — а оно здесь было, маленькое, круглое, как иллюминатор, — висели занавески в цветочек, чуть колышущиеся от невидимого ветерка. За стеклом угадывалась темнота, но она не пугала — она была заперта снаружи, не здесь.

Каосу лежала в кровати. Настоящей, мягкой, с горой подушек и пушистым одеялом, от которого исходило ровное, ласковое тепло. Простыни пахли лавандой — или чем-то похожим, — и это было так непривычно после запаха собственного страха, которым пропиталась её одежда за дни бесконечной гонки.

На прикроватном столике стоял резной подсвечник с оплившей свечой, кружка с ещё тёплым отваром и лежала маленькая записка, на которой округлым кошачьим почерком было выведено: «Проснёшься — позови. Я рядом. Матильда».

Каосу попыталась пошевелиться — и едва не застонала.

Первое, что она ощутила — странную лёгкость. Не ту, здоровую, а пустую, зыбкую, словно тело стало чужим и непослушным. Когда она попыталась согнуть руку, мышцы отозвались не болью даже — судорогой. Резкой, жёсткой, выкручивающей. Икры свело так, что пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Спина, шея, плечи — каждая мышца, которая днями напролёт была напряжена до предела, теперь отказывалась расслабляться. Они задеревенели, превратились в камень, и даже лёгкое движение заставляло их протестовать мелкой, противной дрожью.

Руки оказались плотно забинтованы — мягкой тканью, пропитанной чем-то пахучим. Под повязками саднило. Каосу смутно помнила, как цеплялась за шипы, как царапала корни, как впивалась ногтями в кору деревьев, чтобы не

упасть, не закричать, не выдать себя. Теперь эти раны заживали, но под тканью всё зудело и пульсировало — лечащая боль, не та, что рвёт изнутри, а та, что говорит: «Я прохожу. Я заживаю. Ты жива».

Она осторожно, очень медленно попыталась сесть.

Мир качнулся. Комната поплыла перед глазами, и Каосу пришлось зажмуриться и схватиться за край кровати, чтобы не упасть обратно. Вестибулярный аппарат сбился напрочь: после дней непрерывного движения, когда тело было в постоянной готовности бежать, резкая остановка и покой вызвали что-то похожее на морскую болезнь.

И самое странное — пустота в желудке. Не голод даже, а именно пустота. Такое чувство, будто желудок ссохся, сжался в кулак и забыл, что вообще умеет принимать пищу. Лёгкая тошнота подкатывала к горлу при одной мысли о еде, хотя где-то глубоко внутри сидел звериный, первобытный голод, который требовал: «жри, жри, жри».

— Очнулась наконец, — раздался тихий, мурлыкающий голос, и скрипнуло кресло.

Каосу с трудом повернула голову. В кресле у камина — она только сейчас заметила, что в комнате есть настоящий маленький камин, в котором уютно потрескивали дрова, — сидела та самая белая кошечка. Матильда. Она держала в лапках вязание — крошечные носочки, судя по всему, для котят, — и смотрела на Каосу с выражением безграничной материнской заботы.

— Тише-тише-тише! — всплеснула она лапками, мгновенно оказываясь рядом. — Куда собралась? Геройствовать? Нагеройствовалась уже, лежи.

Она ловко, несмотря на кошачьи лапки, подложила подушки и мягко, но настойчиво вернула девушку в полулежащее положение.

— Ты спала пять дней, деточка, — сообщила она, поправляя бинты на руках Каосу и довольно принюхиваясь. — Баст сказал, что это нормально. Что организму нужно время, чтобы переварить весь тот ужас, через который ты прошла. А я сказала — организму нужно тепло, покой и сытный бульон. И оказалась права. Как всегда.

— Пять дней... — хрипло повторила Каосу. Голос звучал чужеродно, словно она не пользовалась им годы.

— Ты даже не представляешь, в каком состоянии я тебя получила, — продолжала Матильда, качая головой. — Баст притащил — а у тебя раны от шипов гноятся, мышцы сведены так, что я думала, они никогда не расслабятся. Первые два дня я только и делала, что меняла примочки и втирала мази. Руки до сих пор болят от растираний, между прочим. Хотя, — она задумчиво посмотрела на свои лапки, — у меня лапки. Ими вообще сложно.

Она вспорхнула на стул, взяла с прикроватного столика кружку с отваром и протянула Каосу.

— Пей. Маленькими глотками. Не торопись, — строго сказала она. — Твой желудок сейчас как сморщенный ли-

сток. Если наброситься на еду, будет очень плохо. Люди в вашем мире даже умирали от этого — наедались после голода, и внутренности не выдерживали. Так что слушайся меня, договорились?

Каосу послушно взяла кружку. Отвар был тёплым, чуть сладковатым, с мятной свежестью и послевкусием чего-то, напоминающего детство — хотя она не помнила, чтобы в детстве пила что-то подобное. Она пила маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается внутри, не вызывая тошноты, а наоборот — успокаивая, уговаривая желудок вспомнить, что он умеет работать.

— Сейчас ты будешь есть только жидкое, — продолжала Матильда деловито, усаживаясь на край кровати. — Бульоны, отвары, кисель. Немного, но часто. Сегодня — каждый час по несколько глотков. Завтра — чуть больше. Через три дня попробуем что-то мягкое. Каша там, разваренные овощи. А через неделю — если будешь хорошо себя вести и не пытаться вставать раньше времени — получишь рыбный пирог.

Она хитро прищурилась.

— Наш повар, кстати, Грей, готовит божественно. Даже люди едят и не морщатся, хотя, казалось бы, кошачья кухня.

Каосу допила отвар и почувствовала, как веки тяжелеют. Организм требовал сна, настойчиво, как дитя требует молока. Но прежде чем провалиться в темноту, она успела прошептать:

— Спасибо, Матильда...

— Спи, деточка, — мурлыкнула та в ответ. — Я посторожу.

Сны приходили к ней обрывками.

Она снова стояла в саду — в том самом, настоящем, где пахло мокрой землёй и яблоками. Солнце пробивалось сквозь листву тёплыми пятнами, трава щекотала босые ноги, а ветер ласково перебирал волосы. Где-то рядом смеялся Клаус — его смех она узнала бы из тысячи, даже сквозь самую непроглядную тьму.

— Догоняй! — крикнул он, и его фигура мелькнула между яблонь.

Каосу побежала, смеясь, чувствуя, как лёгкость переполняет тело, как сердце бьётся ровно и сильно. Она бежала и бежала, но Клаус не приближался. Его смех звучал всё дальше, всё тише, растворяясь в шелесте листвы.

— Клаус! — позвала она. — Подожди!

Тишина.

Сад почернел. Яблони превратились в иссохшие скелеты, трава осыпалась пеплом, а небо затянуло багровым, больным закатом. Из-под земли полезли корни — чёрные, скользкие, они обвивали её щиколотки, поднимались выше, сдавливая грудь, лишая дыхания.

— КЛАУС!

Она закричала, но крик утонул в шипении, которое запол-

нило всё вокруг. Из темноты выступила фигура — огромная, бесформенная, с глазами, горящими белым огнём. В руке оно сжимало нечто длинное, острое, смертоносное — и коса, и лопата, и жало гигантского насекомого одновременно.

— Попалась, — прошелестел Садовник. — Ты всегда будешь попадаться. Бесконечно. Снова и снова.

Он занёс оружие над её головой.

И в этот миг что-то тёплое коснулось её руки.

— Тсс-сс-сс, — раздался тихий, мурлыкающий голос. — Тише, маленькая. Это только сон. Ты в безопасности.

Каосу распахнула глаза, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, рубашка прилипла к телу от пота, и она не сразу поняла, где находится. Комната. Камин. Свечи. Кровать.

Рядом с ней, на подушке, сидел Баст.

Чёрный кот смотрел на неё своими зелёными глазами, и в их глубине светилось что-то тёплое, почти человеческое. Одну лапу он держал на её руке — и от этого прикосновения исходило удивительное спокойствие, словно он умел передавать своё тепло через шерсть.

— Приснилось? — спросил он негромко. — Садовник?

Каосу кивнула, не в силах говорить. Горло сдавило спазмом.

Баст легко, почти невесомо, перебрался ближе и устроился у её плеча, продолжая держать лапу на её руке.

— Он будет сниться долго, — сказал он буднично. — Это нормально. Ты бежала от него слишком долго, чтобы забыть за пять дней. Но с каждым разом кошмары будут тише. Слабее. А потом и вовсе перестанут.

Он помолчал, а потом добавил чуть насмешливо:

— Я, конечно, не Матильда, обниматься не мастак. Но если надо посидеть рядом и помурчать — я умею. Коты вообще хорошо мурчат. Лечебное дело.

И правда — из его груди донёсся ровный, убаюкивающий звук. Мурлыканье разливалось по комнате тёплой волной, проникало в грудную клетку, успокаивало разогнавшееся сердце.

Каосу смотрела на него и вдруг поймала себя на странной мысли.

Он напоминал сразу двоих.

Когда Баст говорил — с этой его вечной насмешливой искоркой в глазах, с лёгкостью, с которой он находил слова даже в самый страшный момент, — она вспоминала Джошуа. Такой же проворный ум, такая же острота, такое же умение превратить ужас в нечто, над чем можно посмеяться.

А когда он сидел вот так, рядом, молчаливый и тёплый, когда в его зелёных глазах загоралась забота, когда он протягивал лапу — просто чтобы она знала, что не одна, — это был Клаус. Её Клаус. Тот самый, ради которого она умерла.

— Баст, — прошептала Каосу.

— М-р-р?

— Ты... ты очень похож на двоих моих самых дорогих людей.

Кот склонил голову набок, и на его морде появилось выражение, которое у людей называется улыбкой.

— Надеюсь, хороших людей?

— Самых лучших.

— Тогда я польщён, — он слегка коснулся носом её плеча. — А теперь спи. Я посижу рядом. Если Садовник опять явится, я его укушу. У меня, между прочим, острые зубы.

Каосу улыбнулась сквозь слёзы, которые навернулись на глаза неизвестно отчего — то ли от кошмара, то ли от этой странной, невозможной нежности, которую дарил ей чёрный кот в чужом мире.

— Спасибо, Баст.

— Не за что, — мурлыкнул он в ответ. — Ты теперь наша. Мы своих не бросаем.

Она закрыла глаза, чувствуя рядом тёплое пушистое тело и слушая ровное мурлыканье. Кошмар отступал, таял, не в силах пробиться сквозь эту живую защиту.

И впервые за долгое время Каосу спала спокойно.

Спустя три дня Каосу уже могла сидеть в кровати без помощи подушек. Ноги всё ещё дрожали, когда она пыталась встать, но Матильда разрешила — под присмотром — доходить до кресла у камина.

Баст заходил каждый день.

Он появлялся всегда неожиданно — то с книгой в зубах («Тебе скучно, я знаю, почитай»), то с чашкой отвара, которую ловко нёс, не проливая ни капли, то просто так — сидел на подоконник и рассказывал истории про Подземное Королевство. Про то, как коты воюют с мышами дипломатически («Мыши умные, с ними можно договориться»), про библиотеку, где собраны книги со всех миров, про старые времена, когда Королевство было больше.

— Баст, у тебя своих дел нет? — спросила как-то Каосу, когда он в четвёртый раз за день притащил ей плед («Матильда сказала, ты мёрзнешь»).

— Есть, — невозмутимо ответил кот, укладывая плед ей на колени. — Но ты важнее.

И сказано это было таким тоном, что Каосу почудилось — она ослышалась. Но Баст уже отвернулся и делал вид, что рассматривает узор на занавесках.

— Ты... ты заботаешься обо мне, — растерянно сказала она.

— Конечно, — фыркнул он, не оборачиваясь. — Ты наша гостья. А гостей положено опекать. Это закон Подземья.

— Но ты делаешь больше, чем просто...

— Каосу, — перебил он, и в его голосе вдруг пропала обычная насмешливость. — Ты умерла. Ты бежала от самой страшной твари в этом мире несколько дней. И ты всё ещё думаешь о том, чтобы вернуться к тому, кого любишь. Ты заслуживаешь того, чтобы кто-то заботился о тебе. Хотя бы

немного.

Он повернулся к ней, и в его зелёных глазах плескалась такая глубина, что Каосу на мгновение забыла, как дышать - взгляд показался ей слишком знаком.

— Позволь нам. Ладно?

Она кивнула, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Баст улыбнулся по-кошачьи и спрыгнул с подоконника.

— Вот и договорились. А теперь спи. Матильда придёт через час с бульоном. И если ты не будешь спать, она меня убьёт. А я ещё слишком молод и прекрасен, чтобы погибать от лап разъярённой белой кошки.

И исчез за дверью, оставив Каосу с улыбкой на лице и теплом в груди.

Однажды, когда Матильда меняла ей повязки, Каосу заметила, что кошка двигается чуть медленнее обычного, а в её глазах застыла какая-то тень.

— Матильда, — осторожно спросила она. — Что-то случилось?

Белая кошка вздрогнула, словно очнулась от глубоких мыслей, и покачала головой:

— Нет-нет, деточка, всё хорошо. Просто... ты знаешь, иногда я смотрю на тебя и вижу кое-что знакомое... — её большие глаза наполнились такой глубиной, от которого могло защемить сердце даже у самого черствого существа.

— Что именно?

Матильда помолчала, аккуратно завязывая бинт, а потом тихо сказала:

— У меня была дочка. Сирень. Такая же светлая, как ты. И такая же упрямая.

Каосу замерла.

— Была?

— Есть, — твёрдо поправила Матильда. — Я верю, что она есть. Но она пропала. Несколько лун назад ушла на поверхность — хотела увидеть Сад, хоть я и запрещала. И не вернулась.

Голос кошки дрогнул, но она взяла себя в лапы.

— Мы искали. Баст водил поисковые отряды, но вылазки на поверхность... ты сама знаешь, что это такое. Садовник, розы, бесконечная охота. Мы не смогли найти её след.

Каосу сжала лапку Матильды в своей руке.

— Я найду её, — сказала она тихо, но твёрдо. — Когда выберусь отсюда, я найду Сирень.

Матильда подняла на неё глаза — влажные, но с искоркой надежды.

— Ты правда сделаешь это, деточка?

— Обещаю.

Кошка прижалась к её руке, и Каосу почувствовала, как та мелко дрожит.

— Только... только ты береги себя в первую очередь, слышишь? — прошептала Матильда. — Если ты погибнешь, спасая мою девочку, я себе этого не прощу. Обещай, что бу-

дешь осторожна.

— Обещаю, — повторила Каосу, и в этот момент что-то изменилось в воздухе. Словно сама судьба услышала её слова и взяла на заметку.

Две недели спустя Каосу впервые вышла за порог дома.

Матильда вела её под руку — насколько позволял рост — а Баст вышагивал сзади, нагруженный корзинками («Если идёте на рынок, надо пользоваться моментом, пока у вас есть бесплатная рабочая сила», — фыркнул он, когда Каосу предложила помочь).

Мир Подземного Королевства распахнулся перед ней, как страница из книги сказок.

Они вышли в огромный грот, потолок которого терялся где-то в темноте, но вместо звёзд там светились миллионы крошечных огоньков — светлячки, грибы, кристаллы, вплавленные в камень. Воздух был тёплым и влажным, пах травами и чем-то сладким.

Вдоль извилистых улочек, вымощенных разноцветной галькой, тянулись домики — причудливые, словно выросшие из земли. Одни были сложены из камня и мха, другие — из коры и дерева, третьи и вовсе казались огромными тыквами или грибами с прорезанными окошками. Крыши покрывала живая трава, а в палисадниках росли цветы, светящиеся мягким светом.

И повсюду были коты.

Они ходили на задних лапах, одетые в смешные жилеты и платья, тащили корзинки с покупками, сидели в кафе за крошечными столиками, пили чай и оживлённо обсуждали кошачьи новости. Рядом с ними сновали мыши — тоже одетые, тоже деловитые, но поглядывающие на котов с опаской и уважением.

— Торговый квартал, — пояснила Матильда, заметив её изумлённый взгляд. — Здесь коты и мыши заключили перемирие. Мыши торгуют сыром и тканями, коты — рыбой и вкусностями. Иногда даже дружат.

Они прошли мимо лавки, где мышь в полосатом фартуке раскладывала крошечные пирожные, мимо кота-булочника, который выставил на прилавок целую гору буханок размером с кулак, мимо старушки-кошки, продававшей вязаные носки всех цветов.

И тут Каосу увидела цветочную лавку.

Она стояла чуть на отшибе, вся увитая живыми растениями, и от неё исходило такое знакомое, такое родное тепло, что у девушки перехватило дыхание. Цветы здесь были не такие, как наверху — они светились, переливались, танцевали под невидимую музыку, — но это были цветы. Живые. Настоящие.

— Магическая лавка очень красивая из-за этих цветов, — шепнул Баст, заглядывая через плечо. — Хочешь посмотреть?

Каосу шагнула внутрь, сама не зная зачем. Просто рука

потянулась к ближайшему горшку с нежно-голубыми колокольчиками, и она коснулась лепестков.

И её магия породила нечто прекрасное...

Колокольчики вспыхнули ярче, потянулись вверх, распустив новые бутоны прямо на глазах и начиная напевать приятную мелодию. Соседние цветы подхватили волну — розы налились алым, лилии засияли белым, а маленькие фиалки вдруг зацвели так густо, что горшок стал похож на фиолетовое облако с блестящими звездочками внутри.

— Ох! — выдохнула кошка-цветочница, появляясь из-за прилавка. — Кто здесь? Кто это сделал? — она сложила лапки вместе и с удивлением вздохнула, зачарованная красотой распустившихся цветов.

Каосу, словно боясь, отдёрнула руку, но было поздно. Цветочница — молодая полосатая кошка в переднике, усыпанном сухими лепестками — смотрела на неё круглыми глазами.

— Это вы? — прошептала она. — Вы Зелёная Ведьма, которая упала к нам с поверхности?

— Я... — Каосу запнулась. — Да. Наверное? — было трудно называть себя волшебницей, когда долгое время лежишь прикованной к постели и едва передвигаешься самостоятельно. Да и насколько она теперь похожа на ту Зеленую Ведьму, которой она была?..

— Наверное? — фыркнул Баст из-за спины. — Она самая. Просто скромная.

Но Каосу его не слушала. Она смотрела на свои руки.

Ногти. Те, что ещё вчера были чистыми и розовыми, теперь почернели у самых кончиков. Совсем чуть-чуть, тонкой каёмкой, словно их окунули в тушь.

— Баст... — тихо сказала она, протягивая руку.

Кот мгновенно оказался рядом. Он посмотрел на её пальцы, и в его глазах мелькнуло что-то — не страх, нет, скорее понимание.

— Тьма, — сказал он буднично. — Она в тебе. Она течёт в твоих жилах, ровно как и магия.

Каосу похолодела.

— Это... это плохо? — спросила она тихонечко, с осторожностью поглядывая на замороженную кошечку-цветочницу, которая подзывала других к своей лавке полюбоваться.

— Это опасно, — поправил Баст. — Но не смертельно. Ты можешь с этим жить. Главное — не давать ей волю.

Он нырнул в соседнюю лавку и через минуту вернулся с чем-то, зажатым в зубах. Это оказался маленький шарик — прозрачный, с золотистым свечением внутри.

— Держи, — сказал он, вкладывая шарик в её ладонь, но понимая, что такая технология была девушке явно незнакома, вновь схватил её лапой. — Смотри.

Он легонько подбросил шарик вверх, и тот завис прямо над головой Каосу, залив её мягким, тёплым светом. Тень под ногами съёжилась, прижалась к пяткам, перестала тя-

нуться в стороны. Кот мягко коснулся шарика - и тот перестал светиться.

— Когда ты выйдешь на поверхность, тебе это пригодится, — объяснил Баст. — Там многие охотятся на тени — они связаны с душой. Если потеряешь тень, потеряешь себя. А свет падает так, чтобы держать тень при себе. Видишь? Она теперь всегда будет с тобой, куда бы ты ни пошла.

Он помолчал и добавил с привычной усмешкой:

— И ещё книжки в темноте читать сможешь. Удобно.

Каосу смотрела на парящий над головой шарик, на свою укоротившуюся тень, на почерневшие ногти, и чувствовала, как внутри поднимается странная смесь страха и благодарности.

— Спасибо, Баст, — сказала она тихо.

— Не за что, — мурлыкнул он. — Ты ж теперь наша.

Несколько дней спустя Каосу окрепла настолько, что могла ходить без посторонней помощи. Мышцы всё ещё ныли после долгой прогулки, но это была живая боль, та, что проходит после отдыха, а не та, что сводит судорогой по ночам.

Она знала, что скоро уйдёт.

Матильда чувствовала это. Баст чувствовал. И оба делали вид, что ничего не происходит, хотя Каосу замечала, как часто белая кошка задерживает на ней взгляд, а чёрный кот находит всё новые предлоги, чтобы забежать и просто посидеть рядом.

— Тебе нужно будет снаряжение, — сказала Матильда однажды утром, когда Каосу позавтракала кашей с мёдом. — Пошли. Я кое-что приготовила.

Она привела её в маленькую комнатку, заваленную коробками и свёртками, и извлекла оттуда сумку. Обычную с виду, холщовую, на длинном ремне, но так замечательно расшитая цветами — было видно, что узоры вышиты заботливой наученной рукой... то есть, лапкой белой кошечки.

— Это тебе, — сказала Матильда. — Сумка непростая. Кладёшь в неё что угодно, а тяжести не чувствуешь. Наши мастера делали.

Каосу взяла сумку и замерла. Похожая была у неё когда-то... Лорелей подарила. Но всё её вещи пропали, когда она попала в этот мир. "Интересно, как там моя учительница по магии?" — мелькнула мысль, от которой почему-то стало больно.

— Матильда... — голос дрогнул. — Спасибо.

— Не за что, деточка, — мягко сказала кошка. — Ты ещё не раз спасибо скажешь, когда по Саду бегать придётся с полной сумкой припасов.

В дверь постучали, и один из котов, поднявшись с кресла, открыл дверь и тепло кого-то поприветствовал. Каосу и Матильда выглянули из комнаты, когда их позвали.

На пороге стояла та самая цветочница с рынка. В лапках она держала нечто длинное, завёрнутое в ткань. Переминаясь с лапки на лапку, она покачивала головой в такт мелодии

из радио. Поправив брошь на фартуке, она подняла глаза, услышав стук каблучков — и посмотрела на Каосу, подходя ближе.

— Я... я узнала, что Вы уходите, — сказала она, чуть смущаясь. — И подумала... вот.

Она развернула ткань, и Каосу ахнула.

Посох. Самый настоящий посох — из светлого дерева, чуть изогнутый, удобно лежащий в руке. И по всей его длине вились живые цветы — не нарисованные, а настоящие, растущие прямо из дерева. Мелкие, нежные, всех оттенков радуги.

— Я слышала, Вы — Зелёная Ведьма, — сказала цветочница, глядя на Каосу с надеждой. — Это правда?

— Да, — ласково ответила девушка. На её плечах лежит ответственность за поиск Сирени. Возвращении к Клаусу. Борьбе с Тьмой. Она не может не быть Зеленой Ведьмой, если она всё ещё жива, правильно?

Цветочница просияла.

— Вот, возьмите это. Мы все надеемся, что Ваш приход — знак. Знак того, что Тьма скоро будет свергнута. Этот посох использовал мой отец, когда пас кустобарашков... Он простой, не волшебный, — поспешно добавила она. — Но он покрылся цветами в тот день, когда Вы пришли в наше Подземье, недели назад. И когда Вы были в моей лавке, цветы наконец расцвели и засияли... Я сразу поняла — это всё для Вас. Возьмите. Он всегда поможет в пути, даже если это про-

сто крепкая палочка с цветами.

Каосу с видимой благодарностью взяла посох, и тот словно бы согласно дрогнул в её руке. Цветы на нём качнулись, раскрылись чуть шире. И не успела она поблагодарить вслух, как кошечка одной лапкой остановила её, а второй порылась в широком кармане фартука.

— И ещё... Вот! — цветочница потянулась и надела на запястье Каосу браслет. Плетёный, из разноцветных ниток, с крошечными бусинами.

Каосу всмотрелась и узнала. Белая нить — Матильда. Чёрная — Баст. Пёстрая, полосатая — сама цветочница. А ещё там были золотые и серебряные нити, которые переливались, как звёзды, и... четыре цвета тех самых Звёзд, которые призывали её и её друзей в этот мир: зеленая, красная, золотая и розовая — нити были переплетены вместе.

— Это цвета тех, кто прислал Вас в наш мир, — тихо сказала цветочница. — Мы верим, что Вы принесете мир... Может мы даже вернемся на поверхность, а наш мир расцветет и снова объединится с миром Матери Природы...

Каосу прижала руку с браслетом к сердцу.

— Спасибо, — сказала она просто, но в это слово вместились всё. — Я... Мы будем стараться вернуть мир в Сансару-Фелл.

Цветочница обняла её — насколько позволял рост — и замурчала. Громко, довольно, от всей души.

— Спасибо, что пришли к нам на помощь, — прошептала

она. — Спасибо, что Вы есть.

А потом отстранилась, шмыгнула носом и убежала, оставив Каосу стоять с посохом в одной руке и сумкой в другой, глядя на разноцветный браслет и чувствуя, как внутри разрастается что-то тёплое и сильное.

Она не одна.

Даже здесь, в чужом мире, под вечными сумерками, среди котов и мышей, у неё появились те, кто верит. Те, кто ждёт. Те, кому она нужна.

— Ну что, герой, — раздался сзади насмешливый голос Баста. — Готова выходить?

Каосу обернулась. Чёрный кот сидел на подоконнике, глядя на неё с привычной полуулыбкой, но в зелёных глазах плескалась тревога.

— Готова, — сказала она. — Но я ещё вернусь.

— Знаю, — кивнул Баст. — Ты теперь наша. Куда ж ты денешься.

Матильда осторожно подошла ближе, чтобы в последний раз крепко обнять её. Отпускать было так тяжело, ведь страх потерять ещё одного своего "котенка" тревожил её сердце, но она понимала — она не может держать Каосу при себе всю жизнь. На ней ноша Героя. Матильда лишь надеялась, что эта девочка не падет дальше... Да, она уже в мире Тьмы, но это не означает, что она погибла окончательно. Ещё есть способ вернуться.

Она вернётся. Обязательно вернётся.

А пока — впереди был Сад. И Садовник. И Сирень, которую нужно найти.

И где-то далеко, за гранью миров — Клаус, который ждал.

Глава 3: Там, где любовь сильнее смерти

Мир, расположенный над Кошачьим Королевством, ударил в нос букетом запахов. Не тем, к которому уже успела привыкнуть Каосу — ромашка, мята, нагретое лаковое дерево — нет. Здесь пахло гнилью, сыростью и чем-то настолько приторным, что у девушки невольно подобрался тошнотворный комок к горлу. Прикрыв нос рукой, волшебница тяжело выдохнула и стало медленно дышать, привыкая к здешней атмосфере.

Баст глянул на неё с пониманием.

— С возвращением, как говорится, — дернул носиком кот, перепрыгивая колючие корни. — Соскучилась?

— Ага, безумно, — усмехнулась Каосу, попутно оглядываясь по сторонам. — Слушай... Ты что-то говорил про тени, пока я отсыпалась после побега... Можешь объяснить мне ещё разок? Тени здесь что-то вроде валюты или мне показалось?

— Ну... Как бы тебе это объяснить? — Баст оттолкнулся лапами и плавно скользнул по воздуху, чтобы поравняться по высоте с Волшебницей. Забавно, что он продолжал шагать по воздуху так, словно шел по невидимой тропинке. — В этом мире очень многие охотятся за тенями. В них заклю-

чены остатки человеческих душ, которые здесь на вес золота. В этот неприглядный мир попадают души тех, кто был заражён Тьмой. Тех, кто умер, но не до конца. Тех, кто продал душу и не получил ничего взамен. Тех, кто просто... заблудился, — он многозначно посмотрел на девушку, — ну, знаешь... В общем, — кот протяжно вздохнул, — твои почерневшие ноготочки подсказывают, что ты и сама постепенно превращаешься в тень. Поэтому нам нужно поспешить и найти скорее способ вернуть тебя домой, в мир Сансара-Фелл. Ну, точнее, в его земную часть. До сих пор сам не пойму, как лучше обозначить эти миры, — кот усмехнулся и слегка покачал головой.

Каосу посмотрела на свободную руку и поджала губы — да, её ногти почернели, как и краешки пальцев. Немного, но и этого было достаточно, чтобы небольшой холодок пробежал по её спине.

— За теньями много кто охотится, — продолжал Баст, — тот же твой приятель Садовник. Есть ещё самопровозглашенные Егери Пустоты или Собиратели, как се их привыкли называть, — эти существа в капюшонах собирают неприка-янные души и заблудшие тени по всему Подземью и приносят на Карнавал, чтобы обменять их на всякие блага двум господам — Шефу и Концертмейстеру.

— А что они делают с душами?

— Ну... — протянул задумчиво Баст, — какие-то сжирают, чтобы стать сильнее. Какие-то используют как рабов для

своих нужд. Но лучших они отдают местной правительнице по имени Арлекино, — Каосу заметила, как странно изменился голос кота, да и взгляд его будто на мгновение затуманился, словно Баст погряз в воспоминаниях. Но как быстро это случилось, так же внезапно и прекратилось — и волшебный зверь, улыбаясь, продолжил шагать по незримой тропинке в воздухе. — Вот уж к ней не советую попадаться. Я бы на твоём месте вообще старался бы скрыться от каждого, кого заметишь. Как ты сама заметила, место здесь опасное и не особо приветливое. Так что... — вдруг Баст резко замер, а шерсть его поднялась дыбом. — Прячься! — резко скомандовал он и, спрыгнув на землю, побежал в сторону кустов, ведя за собой Волшебницу.

Каосу, не смея задерживать, погналась за ним. На удивление, куст, в котором они спрятались, оказался с мягкой листвой, словно не был частью этого враждебного мира.

Девушка поджала губы и припустила голову, будто стараясь вжать её в плечи как только могла. Крепко держа вспотевшими от волнения ладонями Посох, она тихонько зашептала просьбу кустам спрятать их — и те осторожно поползли в стороны, становясь пушистее и закрывая обоих героев собой.

Баст припал к земле, а его распушенный хвост нервно дергался из стороны в сторону.

Земля задрожала, где-то вдали повалилось дерево (судя по шуму и взлетевшей стае галок), и стал нарастать звук тя-

желых шагов. Каосу догадалась, что это вышел осматривать свои владения упомянутый чуть раньше Садовник. Может после чудесной Долины, где обитают Кошки, точнее, на контрасте с этим местом, а может просто Каосу раньше не замечала, но чем ближе приближался враг, тем больше она ощущалась тлетворный запах: представьте, что кто-то решил смешать запах уксуса, нефти, сероводорода и измученного кариесом и сверлами врача зуба — даже настолько мерзкий запах не был близок к тому, какой доносился от Садовника. Вся гнилость этого мира скопилась в одном ужасном существе, который денно и ночно бродил по своему заброшенному Саду, охотясь на любой признак жизни.

«У меня голова кружится...» — поймала себя на мысли Каосу и осторожно притянула к самому носу посох. Запах теплого дерева, лака и цветов неожиданно побороли смрад и позволили девушке переждать, пока пахучий монстр уйдет.

Шаги отдалялись. Медленно, неохотно, словно зверь чуял добычу, но по какой-то причине не мог её взять. Земля перестала дрожать, галки успокоились, и тишина снова опустилась на Сад — тяжёлая, давящая, неестественная.

— Кажется, ушёл, — еле слышно прошептал Баст, но продолжал сидеть неподвижно, распушив хвост. — Ещё минуту подождём. На всякий случай.

Каосу кивнула, не в силах говорить. Она всё ещё сжимала посох так сильно, что побелели костяшки пальцев. Сердце колотилось где-то в горле, и только запах цветов на посохе

помогал не сойти с ума от вони, которую оставил после себя Садовник.

— Ты молодец, — тихо сказал Баст, когда минута истекла. — Быстро среагировала. И кусты послушались. Это хорошо. Значит, магия тебя не бросила.

— Пока не бросила, — поправила Каосу, осторожно выбираясь из укрытия. — Я не уверена, что она останется стабильной, пока мы в зараженном тьмой Саду... А если монстр вернётся?

— Тогда будем думать дальше, — кот отряхнулся и встал на задние лапы, оглядываясь. — Идём. Нужно уйти подальше от его троп. Садовник обычно ходит по одним и тем же маршрутам. Если мы свернём к Старому Лабиринту, у нас будет форс.

— Старому Лабиринту? — переспросила Каосу, следуя за ним. — Ты говорил о нём, когда я отсыпалась. Там вроде бы есть фонтан?

— Есть, — кивнул Баст, не оборачиваясь. — Фонтан Забытых Сил. Вода там целебная, восстанавливает силы. Только пить её просто так не принято — слишком ценна. Но если понадобится...

Он не договорил. Каосу поняла и без слов.

Они шли молча, пробираясь между стволами тисов, перепрыгивая через корни, которые норовили подхватить за ногу. Сад вокруг менялся — розовые аллеи сменялись рощами из хрустальных деревьев, чьи листья звенели на ветру, как

тысячи крошечных колокольчиков. Но теперь Каосу не восхищалась этой красотой. Она видела в ней угрозу — каждый блестящий лист мог отразить свет и привлечь внимание, каждый звон мог стать сигналом для Садовника.

— Баст, — позвала она негромко. — Ты говорил про Карнавал. Про Шефа и Концертмейстера. Кто они?

Кот замедлил шаг и покосился на неё.

— Те, кто заправляет всем этим кошмаром, — сказал он тихо. — Шеф — он вроде как главный по душам. Организует аукционы, торги, сделки. А Концертмейстер... — Баст поморщился, — Концертмейстер отвечает за зрелища. Устраивает представления, где души — главные актёры. Говорят, у него есть целый театр, и если ты попал туда — считай, что ты уже мёртв. И не важно, дышишь ты или нет.

— А Арлекино?

Баст резко остановился. Шерсть на его загривке снова поднялась дыбом.

— Арлекино — это Правительница. Она здесь главная. Все, кто охотятся за тенями, в итоге приносят добычу ей. И если Шеф и Концертмейстер — просто слуги, то Арлекино... — он замолчал, подбирая слова. — Арлекино — это сама Тьма. В смысле, не та, которая живёт в людях, а настоящая. Первозданная. Та, что была здесь всегда.

— И она... она знает, кто я?

Баст посмотрел на неё долгим взглядом.

— Если она не знает, то скоро узнает. Появление Зелёной

Ведьмы в этом мире — событие. Такие вещи не остаются незамеченными.

Каосу поёжилась, но ничего не сказала.

Они пошли дальше. И вскоре впереди показались стены Старого Лабиринта.

Лабиринт возник из ниоткуда — просто между двумя деревьями вдруг выросла стена из вековых корней, покрытых мхом и колючими розами. Каосу задрала голову: стена уходила вверх, теряясь в фиолетовых сумерках, и казалась бесконечной.

— Сюда, — сказал Баст, ныряя в узкий проход между корнями.

Каосу протиснулась следом, чувствуя, как шипы царапают плечи. Но внутри, в лабиринте, воздух стал другим — влажным, прохладным, без той приторной сладости, от которой тошнило. Здесь пахло мхом, сыростью и чем-то далёким, напоминающим дождь.

— Садовник сюда съётся редко, — пояснил Баст, шагая впереди. — Тесно ему. И корни старые, злые. Они его не любят.

— Корни могут не любить? — удивилась Каосу.

— В этом мире — да, — кот хмыкнул. — Ты ещё не поняла? Здесь всё живое. Даже то, что кажется мёртвым.

Они углубились в лабиринт. Стены изгибались, сужались, расширялись, и Каосу вскоре перестала понимать, где они

находятся. Только Баст уверенно вёл её по невидимым меткам, иногда останавливаясь, чтобы принюхаться.

— Скоро будет фонтан, — сказал он через некоторое время. — Слышишь?

Каосу прислушалась. В тишине лабиринта действительно раздавался тихий, едва уловимый звон — словно вода падала на камень где-то совсем рядом.

— Слышу, — кивнула она.

Они свернули за очередной поворот — и оказались на поляне.

Фонтан был невысоким, сложенным из серого камня, покрытого патиной времени. Вода в нём была такой прозрачной, что сквозь неё можно было разглядеть дно, выложенное разноцветной галькой. И она пахла — не гнилью, не сыростью, а ландышами. Чистыми, свежими, живыми.

Каосу подошла ближе и опустила руку в воду. Та оказалась прохладной, но не ледяной, и от прикосновения усталость, накопившаяся за время пути, словно растворилась.

— Пей, — сказал Баст, припадая к воде. — Не много, но пару глотков, думаю, тебе не повредят. Пусть силы прибавятся...

Каосу послушно набрала воды в ладони и выпила. Жидкость была мягкой, чуть сладковатой, и девушка почувствовала, как тепло разливается по телу, прогоняя боль в мышцах, успокаивая разодранные плечи.

— Наберём с собой, — она достала флягу, которую дала

Матильда, и опустила её в фонтан. — Вдруг пригодится.

Баст одобрительно кивнул.

Пока вода наполняла флягу, Каосу случайно взглянула на поверхность — и замерла.

Вода больше не отражала ни неба, ни стен лабиринта. Она показывала другое. Другой мир. Тот, откуда Каосу пришла.

Она увидела лес. Зелёный, живой, настоящий, с солнцем, пробивающимся сквозь листву. И в этом лесу — их.

Клаус стоял у дерева, прислонившись спиной к стволу. Его лицо было усталым, но живым — не таким озлобленным, а затем опустошенным и печальным, каким она запомнила его в последний миг, а просто уставшим. Рядом с ним, положив голову ему на плечо, стояла Кассандра, обнимая того за плечо. Нимфа что-то говорила ему — негромко, вкрадчиво, — и её рука лежала на его рукаве, чуть ниже локтя.

Каосу смотрела и чувствовала странную смесь облегчения и... чего-то ещё. Острого, неприятного, что кололо где-то под рёбрами.

— Он жив, — выдохнула она. — Они оба живы.

— Да уж, — протянул Баст, заглядывая в воду через её плечо. — Только, кажется, твоя подружка Нимфа слишком уж активно утешает твоего рыцаря.

Каосу дёрнулась, но не отвела взгляда.

— Она просто... заботится о нём.

— Ага, — хмыкнул кот. — И руку ему на плечо положила. И голову пристроила. И смотрит так, будто он — последний

кусок рыбы на рынке.

— Баст!

— Что? Я просто констатирую факт. Ты не рада, что они в порядке?

— Рада, — сказала Каосу, и это было правдой. — Очень рада. Просто...

Она замолчала. Просто Кассандре будто всегда нравился Клаус, о котором она по началу только украдкой слышала из разговоров Каосу и Джошуа. А Клаус... Клаус всегда оставался верным своей Волшебнице.

— Ладно, — Баст ткнул её носом в руку. — Хватит смотреть. Вода — не зеркало, чтобы красотой любоваться. И вообще, пора идти, пока Садовник не нагнал.

Каосу кивнула, пряча флягу. Но прежде чем отвернуться, она ещё раз взглянула на воду. Клаус улыбался — чему-то, что сказала Кассандра, — и её сердце сжалось.

«Я вернусь, — пообещала она мысленно. — Просто подожди».

Они вышли из лабиринта с другой стороны — туда, где стены расступались, открывая вид на холмистую равнину, усеянную рощами хрустальных деревьев. И здесь их уже ждали.

Садовник стоял на вершине ближайшего холма, и его форма больше не колебалась. Теперь это был не зверь и не дракон — просто человек. Огромный, чёрный, с пустотой

вместо лица и горящими белыми глазами. В руках — коса, которая пахла смертью, уксусом и нефтью.

— Игрушки кончились, — прошелестел он.

Он немедленно пошел в атаку.

Каосу вскинула посох, и зелёная волна ударила навстречу. Но Садовник стал быстрее. Он уклонялся от её атак, уворачивался, сокращал расстояние. Браслет на её руке засветился — и над запястьем появились цифры.

«4%» — высветилось крупными цифрами. *«Шанс на успех следующей атаки критически низок»*.

— Что за... — не поняла Каосу.

Но браслет уже мигнул — и цифры сменились.

«100%».

Она не стала думать. Она просто ударила — всем, что у неё было, всей силой, которую смогла собрать. Волна вырвалась из посоха, ослепительная, зелёная, живая, и обрушилась на Садовника.

Чудовище закричало. Не голосом — всем телом, каждой его частью. Коса выпала из рук, форма пошла рябью, трещинами, и чёрная фигура начала оседать, рассыпаться, как гнилое дерево.

— Есть! — завопил Баст, подпрыгивая. — Есть, Каосу! Ты сделала это!

Но Каосу смотрела на браслет. Цифры снова сменились — «2%», а затем опять «100%».

— Не сделала, — сказала она тихо. — Смотри.

Садовник поднимался. Медленно, тяжело, но поднимался. Трещины на его теле затягивались, форма снова обретала чёткость, а глаза горели белым огнём — ярче прежнего.

— Он восстанавливается, — выдохнул Баст. — Каждый раз, когда ты его бьёшь, он становится сильнее. И умнее.

— Что мне делать?

— Бежать! — кот дёрнул её за штанину. — Бежать, пока он не очухался!

И они побежали.

Садовник рванул следом, но теперь Каосу не просто убегала — она стала сильнее и крепче, чтобы суметь наносить удар за ударом. Каждый раз, когда браслет показывал «100%», она оборачивалась и выпускала волну. Не чтобы уничтожить — просто задержать, чтобы выиграть время.

Герои бежали через рощу хрустальных деревьев, и звон листьев сливался с криками ворон, которые срывались с веток и кружили над головой чёрным облаком. Они бежали по полю Птичьих Перьев, и перья взлетали в воздух, следуя за ними, как живые. Они бежали мимо прудов с чёрной водой, и кувшинки тянули к ним свои светящиеся головки, будто пытались удержать.

А Садовник не отставал.

— Туда! — крикнул Баст, резко кивая головой в сторону.

Вдали, на краю равнины, виднелись ворота. Старые, кованые, увитые розами, они возвышались среди хаоса разрушенного Сада, как обещание спасения.

— Бежим!

Они бежали, не чувствуя ног, не чувствуя воздуха в лёгких — только пульсирующий страх и отчаянную надежду.

Каосу ударила ещё раз — последний удар, прежде чем переступить порог. Волна попала в Садовника, и он замер, рассыпаясь в очередной раз.

Она прыгнула.

Ворота захлопнулись за её спиной с глухим, могильным звоном.

Мир вдруг резко исказился, когда за их спинами захлопнулась скрипучая калитка.

Фиолетовое небо исчезло, сменившись чернотой, такой плотной, что даже шарик света над головой Каосу, казалось, сжался, словно испуганный зверек. Но нет — он продолжал гореть, отбрасывая золотистые блики на старые, замшелые надгробия.

Герои стояли на кладбище. Огромном, старом, готическом, какими их рисуют в книгах про вампиров и призраков. Надгробия торчали из земли под разными углами — покосившиеся, заросшие плющом, с выщербленными буквами, которые невозможно было прочесть. Между ними вились узкие тропинки, усыпанные сухими листьями, и на каждой могиле лежали цветы — не живые, а искусственные, бумажные, с поблёкшими красками. Небо над головой было чёрным. Ни звёзд, ни луны — только тьма, которую изредка

прорезали вспышки далёких молний. И в этой тьме кричали вороны. Этих птиц здесь было много — сотни, тысячи. Они сидели на надгробиях, на крестах, на ветвях мёртвых деревьев, что росли здесь вместо роз, и их крики раздирали тишину, как ножи.

А ещё здесь были колокольчики.

Маленькие, серебряные, они висели на цепочках, натянутых между могилами, и тихо звенели на ветру. Звон был тонким, пронзительным, от него закладывало уши, и казалось, что он проникает прямо в мозг, высасывая мысли, оставляя только пустоту.

— Где... где мы? — прошептала Каосу, прижимаясь спиной к воротам.

— Кладбище Уснувших, — так же тихо ответил Баст. — Я слышал о нём, но никогда здесь не был. Говорят, сюда не суются даже Собиратели.

— Почему?

— Потому что те, кто здесь похоронены, — не просто мёртвые. Они те, кого Тьма сожрала полностью. Без остатка. Даже тени не осталось.

Колокольчики звенели громче. Вороны кричали. А где-то за спиной, по ту сторону ворот, раздался глухой удар — Садовник пытался пробиться.

Каосу сжала посох.

— Что теперь?

Баст посмотрел на неё. В его зелёных глазах, освещённых

шариком света, не было страха — только решимость.

— Теперь, Герой, мы идём дальше. И надеемся, что это кладбище станет нашим убежищем, а не могилой.

Он шагнул вперёд, и Каосу пошла за ним — туда, где в темноте угадывались очертания старой часовни.

А вороны всё кричали.

Каждый шаг здесь отдавался эхом — не от земли, а от пустоты, которая, казалось, дышала в самое ухо. Надгробия стояли неровными рядами, как зубья старого, больного гребня. Одни покосились настолько, что вот-вот должны были упасть, но не падали — застыли в этом вечном "почти". Другие, наоборот, вросли в землю по самую верхушку, и только полустёртые имена на их боках напоминали о том, что когда-то здесь был памятник, а не просто камень.

Плющ покрывал почти всё. Он полз по надгробиям, обвивал кресты, свешивался с чугунных оград, и казалось, что именно он держит эту кладбищенскую декорацию, не давая ей окончательно рассыпаться. Листья плюща были неестественно тёмными — почти чёрными, — и они шевелились без ветра, словно живые.

Вороны сидели на каждой ограде, на каждом кресте. Они не каркали — они кричали, и крики их были похожи на человеческие голоса, искажённые болью. Где-то вдали, в темноте, им вторили другие птицы — или не птицы вовсе, а кто-то, кто умел подражать их голосам.

А колокольчики звенели. Они свисали с цепочек, натяну-

тых между могилами, с веток мёртвых деревьев, с карнизов склепов. Их звон был высоким, пронзительным, он не затихал ни на секунду, и Каосу начала замечать, как от этого звона начинает ныть голова. Просто — ни с того ни с сего. Будто кто-то тонкой иглой ковырялся в мозгу.

— Ненавижу это место, — прошипел Баст, прижимая уши к голове. — Здесь даже воздух какой-то... липкий.

— Ты был здесь раньше?

— Нет. И, если повезёт, больше никогда не вернусь.

Они шли по центральной аллее, если можно было назвать аллеей дорожку, заваленную сухими листьями и мелкими костями. Каосу старалась не смотреть под ноги, но краем глаза всё равно замечала — то фаланга пальца, то обломок челюсти, то позвонок, похожий на сморщенный гриб.

Впереди, на небольшом возвышении, стояла церковь.

Она была старой. Не просто старой — древней, как само это кладбище, как эта земля, как тьма, что растекалась между могил. Её стены из серого камня почернели от времени, стрельчатые окна зияли пустотой, а крыша местами провалилась, обнажая тёмные чердачные провалы. Но на башне, на самой её верхушке, горел свет.

Не огонь — скорее свечение. Бледное, голубоватое, оно пульсировало в такт колокольчикам, то разгораясь, то затухая.

Справа от церкви, за чахлыми кустами, угадывались очертания ещё двух зданий. Одно — высокое, узкое, с маленьки-

ми окошками-бойницами — больше всего напоминало архив или библиотеку. Второе — приземистое, с покатой крышей — тянуло на конюшню. Но разглядеть их толком было невозможно — тьма сгущалась вокруг них, как вода вокруг камней.

— Здесь кто-то есть, — тихо сказал Баст, и его хвост нервно дёрнулся. — Я чувствую.

— Живой?

— Не уверен, что в этом месте вообще может быть что-то живое.

Каосу сжала посох и шагнула к церкви, дверь которой оказалась приоткрытой. Тяжёлая, дубовая, окованная почерневшим железом, она скрипнула, когда девушка толкнула её, и этот звук разнёсся по всему кладбищу, заставив ворон на мгновение замолчать.

— Гостеприимно, — прошептал Баст, проскальзывая внутрь.

Внутри было темно. Но шарик света над головой Каосу разогнал тьму, и они увидели.

Неф церкви уходил вверх, ввысь, теряясь где-то в черноте под самой крышей. Колонны из тёмного камня тянулись к потолку, их капители украшали чудовища — горгульи, химеры, крылатые твари с раскрытыми пастьями. Между колоннами висели гобелены — выцветшие, пыльные, но на них всё ещё можно было разглядеть сцены: венчание, смерть, погребение. Снова венчание. Снова смерть.

Скамьи для прихожан стояли неровными рядами, многие были перевёрнуты или сломаны. Алтарь в конце нефа сохранился лучше всего — массивный, каменный, с распятием, которое висело вверх ногами. За алтарём виднелась фреска — Богородица, но лик её был стёрт, а вместо глаз зияли две тёмные дыры.

И повсюду были свечи.

Они стояли на подсвечниках, на полу, на подоконниках, на алтаре — сотни, тысячи свечей, белых, оплывших, покрытых пылью. Но ни одна не горела.

— Жуткое место, — выдохнула Каосу, оглядываясь. — Даже хуже, чем Сад.

— Сад хотя бы притворяется красивым, — отозвался Баст, прыгая на скамью и отряхивая лапы. — А это место даже не пытается. Оно знает, кто оно есть, и ему плевать, что мы о нём думаем.

Они прошли вперёд, к алтарю. Каосу опустилась на ступени — ноги гудели от долгой ходьбы, плечи саднили от шипов, а голова раскалывалась от колокольчиков, звон которых доносился даже сюда, сквозь каменные стены.

— Передохнём немного, — сказала она, прислоняя посох к алтарю. — Садовник сюда, кажется, не сунется. Ворота его задержат.

— Надеюсь, — Баст устроился рядом, свернувшись клубком. — Но долго расслабляться не советую. Это место...

Он не договорил.

Потому что в этот момент зажглись свечи.

Все сразу. Тысячи огоньков вспыхнули синим пламенем — холодным, неживым, от которого не шло тепла, только ледяной свет. Церковь наполнилась им, и тени на стенах ожили, заматались, сплетаясь в причудливые узоры.

А потом запели.

Голоса были везде — сверху, снизу, из-за колонн, из-под пола. Они пели на языке, которого Каосу не знала, но от которого кровь стыла в жилах. Это не была музыка — это была молитва. Или проклятие. Или и то, и другое вместе.

— Баст... — прошептала Каосу, вскакивая на ноги.

— Я здесь, — кот прижался к её ноге, и его шерсть стояла дыбом. — Я здесь, не бойся.

Пение стихло. Свечи перестали мерцать. И в тишине, которая опустилась на церковь, раздались шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.